

УДК 821.161.1-1

ФЕНОМЕН «СЛОВА» В МИФОПОЭТИКЕ Н. С. ГУМИЛЕВА

Е. Н. Бритцова

Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова
кафедра истории журналистики и литературы

Статья посвящена феномену «Слова» в творчестве Н.С. Гумилева. На материале стихотворения «Слово» (1921) показано место феномена в мифопоэтике автора и его природа.

Ключевые слова: акмеизм, имя, логоцентризм, слово, эзотерика

К началу XX века философско-литературная мысль развивалась преимущественно в двух направлениях: православно-религиозном и мистико-религиозном. С одной стороны, существовали религиозная мистика и оккультизм, приверженцами которых, в частности, были символисты Андрей Белый, Вяч. В. Иванов и А. А. Блок; с другой стороны, существовала православная религиозная философия, приверженцами которой были в том числе С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский и Н. А. Бердяев.

Символисты разделяли два мира – мир вещей и мир идей – и считали, что соединяет их Символ. Причем Символ в их представлениях также обладал двойственностью: в нем было как означаемое, отражающее нечто реальное, так и означающее, повернутое к ирреальному. Каждая вещь, по мнению символистов, была лишь отражением некоего вечного, или божественного, смысла. Мир воспринимался ими как псевдобытие, управляемое высшими законами, постичь которые можно было только средствами искусства. Эстетические принципы символизма точно описал один из его приверженцев Вяч. Иванов: «Особенная интуиция и энергия слова, каковое непосредственно ощущается поэтом как надпись неизречённого, вбирает в свой звук многие неведомо откуда отозвавшиеся эхо и как бы отзвуки разных подземных ключей» [4, с. 135]. Как писала Н. Я. Мандельштам, «символисты <...> либо отказались от христианства, либо пытались реформировать его собственными силами» [7, с. 42].

В то же время сторонники православно-религиозных учений отстаивали идею логоцентризма и всеединства. Связь реальности с Божественным началом, по их мнению, осуществлялась посредством Логоса. «Все наше непонимание, вся наша наука <...> вся целиком построена на идее Логоса, на идее Бога-слова, – да и не наука только, а вся жизнь, весь уклад нашей души» [10], – писал философ П. Флоренский. В истолковании Логоса они следовали за Евангелием от Иоанна: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1, 3). Согласно этой теории, Логос – категория, тождественная Богу-Сыну. Все создано Логосом, в каждой вещи есть Логос, и у каждой вещи есть свой «логос». Мир наполняется конкретными смыслами.

Идеи логоцентризма были близки акмеистам, «отпочковавшимся» от символистов и противостоящим им. Так, Н. С. Гумилев – основоположник, теоретик и адепт акмеизма – называл символизм «достойным отцом», но обвинял его в том, что «попеременно он брался то с мистикой, то с теософией, то с оккультизмом» [1, с. 221]. Также он настаивал на конкретном смысле слова. «Символисты – про-

сто аферисты, – жаловался Гумилев. – Взяли гирию, написали на ней 10 пудов, но выдолбили середину, швыряют гирию и так, и смят, а она пустая» [12, с. 482]. Аксиологическое отличие акмеизма от символизма в том, что каждой вещи уже присущ божественный смысл [6].

Яркой иллюстрацией этой теории служит стихотворение Н. С. Гумилева «Слово». Условно его можно разделить на три части. В первой автор описывает древний мир, представители которого еще помнили о священности Слова, во второй – о числах, в третьей же – о том, что в мире нынешнем о животворящей силе Слова забыли, превратив его лишь в средство для коммуникации. Рассмотрим их подробно.

В первой части речь идет о сотворении мира Богом-Логосом с помощью Логоса: «В оный день, когда над миром новым // Бог склонял лицо свое, тогда // Солнце останавливали словом, // Словом разрушали города» [3, с. 292]. В древнем мире еще помнили о том, что Слово – это Бог, именно поэтому оно самостоятельно и самодостаточно, с помощью Слова, Божественного Слова, создается реальность. В зависимости от того, каким было Слово, можно было либо построить, либо разрушить город, или даже остановить Солнце, ибо таким было Его решение. Слово было магическим, оно обладало первообразной мощью.

К Слову в архаическую эпоху не относились легкомысленно. Помня о его связи с Богом, испытывая от этого трепет (ср.: «орел не взмахивал крыльями» [3, с. 292], «звезды жались в ужасе к луне» [3, с. 292]). Это если говорить о естественной природе. Что же человек?

Человек, как следует из второй части стихотворения, не мог все употребить Слово, ибо «...для низкой жизни были числа» [3, с. 292]. С одной стороны, человек заменял Слово иным символом, чтобы сохранить его сакральный смысл, не осквернить его, с другой – это привело к тому, что «забыли мы, что осияно // Только слово среди земных тревог» [3, с. 292]. Слова превратились в средство коммуникации, обрели утилитарный смысл. У слов не только «отобрали» их магические свойства, но в некоторых случаях их даже лишили конкретности, предметов, которые они обозначают (как, например, делали это символисты).

В третьей части стихотворения автор дает прямую отсылку к Евангелию от Иоанна: «И в Евангелии от Иоанна // Сказано, что слово – это Бог» [3, с. 292]. Акмеисты основной трагедией мира считали умерщвление сакрального, магического Слова. «Дурно пахнут мертвые слова» [3, с. 292], – пишет Гумилев. Поэтому своими основными задачами считали борьбу с секуляризацией слова и возвращение ему конкретности. В связи с этим, на наш взгляд, кажется уместным вопрос о том, что, если Бог создал Логосом мир, может ли человек, подобно Богу, создавать свой мир, облекать слова плотью.

Отвечая на этот вопрос, хотелось бы обратить внимание на то, в 1912–1913 гг. наравне с названием *акмеизм* использовалось название *адамизм*. По свидетельству С. М. Городецкого, его придумал сам Гумилев. В программной статье «Наследие символизма и акмеизм» он указывает второе название нового течения и поясняет его как «мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь» [1, с. 221]. Важна и отсылка к первочеловеку Адаму, дающему имена живому: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым» [Быт. 2: 20]. Так что получается, что акмеисты

ассоциировали себя с первочеловеком, Адамом, и считали, что они вправе подобно Богу владеть магическим словом. Однако ключевое здесь.

Символисты считали себя Демиургами, Творцами. Акмеисты, напротив, от этой идеи отrekliсь. Они считали, что мир *уже сотворен*. Но, как пишет Л. Г. Кихней в монографии «Акмеизм. Миропонимание и поэтика», ничто не мешало акмеистам подражать Богу: «Если творение нашего мира мыслится как результат творческого акта высшей субстанции, то и создание художественного произведения тоже можно мыслить как аналог божественного творения. Ведь в восприятии акмеистов поэзия – не часть реальности, а другая реальность» [6, с. 57].

По убеждению Гумилева, *создавать что-либо* с помощью Слова могут только поэты. При этом их слова, в отличие от слов Господа, не обретают плоти, ведь стихотворение – это лишь воссозданная реальность, которая существует в рамках уже созданного Богом мира. В статье «Анатомия стихотворения» Гумилев, помимо прочего, утверждает, что поэзия есть нечто совершенное. «Поэзия есть лучшие слова в лучшем порядке» [2], – приводит Гумилев формулу Кольриджа. Бог не может создать дефектную плоть, он создает прекрасный мир. Поэт подобно Богу не может себе позволить писать нечто посредственное. Бог знает все законы мира (Мир, по мнению акмеистов, упорядочен), поэт знает все законы поэзии. При этом стихотворения, созданные поэтами, являются *живыми организмами*. Недаром Гумилев говорит именно об их «анатомии», а не о технических приемах написания рифмованного произведения искусства. Таким образом, поэты могут уподобиться Богу, создать с помощью Слова организм совершенный, живой, дышащий.

С нашей точки зрения, нельзя утверждать, что в мифопоэтике Н. С. Гумилева есть только православно-религиозные корни, хотя, безусловно, они были основополагающими. Гумилев в ранние годы, будучи близок к символистам, естественно обращался к теософии и оккультизму. Однако он был ревностным христианином. Как писала Н. Я. Мандельштам, «три акмеиста начисто отказались от какого бы то ни было пересмотра христианства. Христианство Гумилева и Ахматовой было традиционным и церковным, у Мандельштама оно лежало в основе миропонимания, но носило скорее философский, чем бытовой характер» [8, с. 42]. Но как объяснить оккультные мотивы в последнем сборнике Гумилева «Огненный столп» (их наличие и природу рассмотрел П. В. Паздников в работе «Мифопоэтическая концепция слова и творчества в поэзии Н. Гумилева» [10])? Ведь в это время поэт уже давно противостоял символизму и обвинял его в братании попеременно то «с мистикой, то с теософией, то с оккультизмом» [1, с. 221].

Пространственно-временная модель бытия акмеистов основывалась на христианской трактовке мира как *единства*. Все события от сотворения мира до настоящего момента, по мнению акмеистов, не развернулись во временной поток, то есть существовали одновременно [6, с. 31–32]. Такое понимание мира сродни христианской теологической концепции *эона*. Исходя из этого, с нашей точки зрения, можно предположить следующее. Если мир, с точки зрения акмеистов, был создан Богом (значит, Богом было создано как Священное Писание, так и труды, например, древнегреческих мыслителей), то человек, так как он существует в мире единства вне времени, может использовать в своих целях как первое, так и второе.

Отсюда понимание Гумилевым русской культуры как органического синтеза, скрещения разнородных культур, религий и мифов. Отсюда, на наш взгляд, и естественное использование Гумилевым экзотических для России тем – африканских, китайских мотивов. Если мир есть единство, то античность, Африка и сла-

вянское язычество равноценны. Однако что-то должно связывать их в единую систему. По мнению Гумилева, этим связующим звеном было Слово. Поэтому, на наш взгляд, нет ничего удивительного в том, что Слово у Гумилева синтетично и основывается не только на христианской философии, но включает в себя элементы друидизма и античных учений – пифагорейства и зороастризма, а также восточных таинств и средневеково-мистериальных рецепций. Гумилев обращался к ним для того, чтобы создать свой поэтический миф о Слове не параллельно с христианскими взглядами, а в рамках христианской идеи всеединства.

Это утверждение, как нам кажется, объясняет, как человек, который, по воспоминаниям Корнея Чуковского, крестился на все храмы, которые встречал («Он совсем особенно крестился перед церквями. Во время самого любопытного разговора вдруг прерывал себя на полуслове, крестился, и, закончив это дело, продолжал прерванную фразу» [11, с. 417–418]), и который, по воспоминаниям Николая Оцуца, «был ревностным православным» [9, с. 38], мог иметь что-то общее с друидизмом, пифагореизмом и т. п.

Вернемся к стихотворению Н. С. Гумилева «Слово», которое мы рассматривали в начале данной работы. Во второй строфе автор сравнивает Слово с «розовым пламенем» [3, с. 292]. Р. Эшельман считает, что во второй строфе, помимо ветхозаветного контекста, присутствуют образы, источником которых является «стоическая традиция логоцентризма с характерным для него понятием Логоса как художественно-творческого огня, пронизывающего и оживляющего вселенную» [13, с. 19].

Нужно отметить, что в своем творчестве Гумилев часто использует образ огня. Истоки отождествления Слова с Огнем могут лежать и в зороастризме – религии древних персов. Для них огонь был сугубо священной стихией, отражением божественной справедливости.

В третьей и четвертой строфах автор говорит о числах: «А для низкой жизни были числа, // Как домашний, подъяремный скот, // Потому что все оттенки смысла // Умное число передает» [3, с. 292].

Как мы уже писали, автор противопоставляет слову число, тем самым подчеркивая, с одной стороны, сакральный, а с другой, утилитарный смысл этих понятий. На наш взгляд, здесь есть и влияние пифагореизма. Пифагорийцы считали, что число не просто обладает количественным значением, но свойствами сохранения мировой гармонии, которая заключается в единстве во множестве и множестве в единстве. Можно предположить, что, когда слова, условно говоря, заменили числами, система мироздания осталась прежней (Логос остался в каждой единице мира, а множество единиц мира по-прежнему создавали единство – Логос), но человек утратил знание о Логосе. Кстати, если в художественной реальности Гумилева люди утратили знание о Логосе именно по такому принципу, становится понятным мотив поиска «Утраченного Слова» в «Поэме начала» Гумилева [3].

П. В. Паздников утверждает, что в творчестве Гумилева прослеживается связь с древним кельтским орденом друидов. Они являлись носителями некоего целого мировоззрения, которое впоследствии было раздроблено. Их «осколками» могли быть как масоны, которым принадлежит миф о Граале и поисках «Утраченного Слова», так и древнерусские волхвы [9]. Героем стихотворения является жрец Морадита, пришедший к Дракону – хранителю тайного знания. Морадита разгадал таинственное Слово. Это слово ОМ. «В ведической традиции считается, что все знания, вся вселенная и все существа произошли из ОМ. ОМ является олицетво-

рением Высшего Брахмана, Абсолютной Истины. <...>. ОМ – основной звук, из которого произошли все прочие звуки и их обозначения – буквы. <...> ОМ – это Высшая Душа (Параматма), универсальное имя, форма Бога. ОМ – это и Бог, и средство осознания Бога» [5, с. 61–62]. Гумилев отождествлял поэта со жрецом. Таким образом, Слово возвращается его сакральность, по крайней мере, в поэзии.

Список литературы

1. Гумилев Н. С. Наследие символизма и акмеизм. Поэзия Серебряного века: В 2 т. Т. 1. М: Дрофа, Вече, 2006. 366 с.
2. Гумилев Н. С. Анатомия стихотворения [Электронный ресурс] // Стихи.ру. URL: <http://gumilev.ru/clauses/4/> (Дата обращения: 01.04.2014)
3. Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы. М.: Астрель, Полиграфиздат, 2010. 388 с.
4. Иванов В. И. Борозды и межи: Опыты эстетические и критические. М.: Мусaget, 1916. 351 с.
5. Искусство созидательного слова. Слова силы, мантры, формулы, молитвы. М.: Мосум, 2012. 160 с.
6. Кихней Л. Г. Акмеизм. Миропонимание и поэтика. М.: Наука, 2001. 184 с.
7. Мандельштам Н. Я., Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. 544 с.
8. Оцуп Н. А. Николай Гумилев: жизнь и творчество. СПб.: Питер, 1995. 197 с.
9. Паздников П. В. Мифопоэтическая концепция слова и творчества в поэзии Н. Гумилева, Владивосток: СЛОВО, 2003. 177 с.
10. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: В 2 т. Т. 1. М.: Вагриус, 1990. 496 с.
11. Чуковский К. И. Дневник. 1901–1929. М.: Сов. писатель, 1991. 358 с.
12. Чуковский К. И. Современники. М.: Молодая гвардия, 1962. 706 с.
13. Эшельман Р. Гумилевское «Слово» и мистицизм // Русская мысль, 1986, № 3636, 29 августа.

**THE PHENOMENON OF "THE WORD" IN MIFOPOETICS
OF N. S. GUMILEV**

E. N. Britsova

The Institute of International Law and Economics n. after A. S. Griboedov
The department of Journalism History and Literature

Article is devoted to the phenomenon of «Word» in the work of N.S. Gumilev. On the material of the poem «The Word» (1921) shows the source and philosophy of phenomenon.

Key words: *acmeism, logocentrism, name, word, spirituality*

Об авторе:

БРИТЦОВА Екатерина Николаевна – аспирантка кафедры истории журналистики и литературы Института международного права и экономики им. А. С. Грибоедова (111024, Москва, шоссе Энтузиастов, дом 21), e-mail: kbritsova@rambler.ru